

С тех пор как она вошла во дворец, её жизнь была заключена в стенах унылой Беседки Осколков Нефрита, не принося ни капли радости. Если бы удалось соорудить качели, чтобы коротать время, это было бы неплохо.

Однако сейчас она пребывала в немилости, у неё не было поддержки, и она не смела привлекать к себе внимание. Она лишь тихо наказала Сяо Юньцзы: Отыщи в Императорском саду самое укромное место и установи там качели. Смотри, не проговорись, чтобы не давать повода для кривотолков.

Сяо Юньцзы принял приказ. Под покровом ночи он украдкой перетащил доски и верёвки в отдалённый уголок сада. Он работал быстро и ловко: не прошло и часа, как грубые качели были готовы. Опасаясь обнаружения, он поспешно замел следы и поспешил назад.

Однако он не знал, что в глубине дворца повсюду были глаза.

Ань Линжун с того самого дня, как в канун Нового года распорядилась помешать Чжэнь Хуань, приказала евнуху Лу'эру, подкупленному её семьёй для службы в Императорском саду, следить за каждым движением в Беседке Осколков Нефрита и саду. Стоило Чжэнь Хуань совершить хоть какой-то неосторожный шаг, он должен был немедленно доложить.

Лу'эр, затаившийся за декоративными скалами у сливовой рощи, видел всё как на ладони. Как только Сяо Юньцзы ушёл, он вскочил и бегом бросился во Дворец Яньси.

Во Дворце Яньси царил тишина. Ань Линжун сидела в тёплых покоях и заваривала чай; струящийся пар делал её лицо ещё мягче и нежнее. Лу'эр, склонившись в поклоне у входа в зал, понизил голос и доложил всё в подробностях: Докладываю госпоже: евнух Сяо Юньцзы из Беседки Осколков Нефрита только что соорудил качели в укромном месте. Видимо, непостоянная госпожа Вань не выносит скуки и хочет поиграть.

Бай Чжи, подливая чай, тихо промолвила: Госпожа, непостоянная госпожа Вань сейчас в немилости, а всё равно осмелилась самовольно возводить постройки в Императорском саду. Это нарушение дворцовых правил. Убранство сада находится в ведении Внутреннего ведомства, и самовольное установление каких-либо предметов без соизволения — тяжкое проявление непочтительности.

Ань Линжун легонько коснулась края чашки пальцами: В глубоком дворце свои правила, и не нам их обсуждать. Благородная супруга Хуа ведает дворцовыми уставами и меньше всего терпит, когда слуги самовольно меняют обстановку в садах. Вели кому-нибудь тихо донести об этом евнуху Чжоу Нинхаю, будто это обычный стражник заметил и доложил по уставу.

Бай Чжи сразу поняла намек и шепнула молодому евнуху, чтобы тот выполнил поручение. Не прошло и половины палочки благовоний, как Чжоу Нинхай узнал новость и поспешил в Дворец Икунь, соседствующий с Дворцом Цзинжэнь, чтобы доложить Благородной супруге Хуа.

Благородная супруга Хуа в этот момент подкрашивала брови, глядя в зеркало. Услышав известие, она вскинула свои тонкие брови, и в её глазах цвета феникса тут же вспыхнул гнев: Хороша же непостоянная госпожа Вань! Ишь, какая беспокойная! Самовольно качели в саду мастерит, не ставит ни во что дворцовые законы, и впрямь не знает, что такое страх перед небом и землей!

Она и раньше недолюбливала Чжэнь Хуань, а после того, как та дерзко ответила ей во Дворце Цзинжэнь, затаила на неё злобу. Теперь, когда подвернулся такой повод, как же она могла упустить его.

Готовьте паланкин! В Императорский сад! — Благородная супруга Хуа ударила по столу и вскочила. Чжоу Нинхай поспешно повел за ней слуг и стражу.

В Императорском саду Чжэнь Хуань сидела на качелях, легонько раскачиваясь, пытается развеять грусть. Лю Чжу сопровождала её, осторожно присматривая за госпожой.

Но было уже поздно.

Свита Благородной супруги Хуа с грохотом добралась до сливовой рощи. Под зонтом цвета светлого золота Благородная супруга Хуа, облаченная в ярко-красное платье, выглядела властно и грозно. Увидев её, Чжэнь Хуань в испуге спрыгнула с качелей, опустилась на колени и дрожащим голосом проговорила: Наложница приветствует Благородную супругу Хуа.

У непостоянной госпожи Вань и впрямь изысканный вкус, — усмехнулась Благородная супруга Хуа. Её взгляд скользнул по неказистым качелям, а голос прозвучал остро и язвительно: Я ведаю правилами шести дворцов, но ещё не слыхала, чтобы наложницы самовольно приказывали устанавливать качели в Императорском саду! Сад — место запретное, убранство его строго регламентировано. Ты без императорского указа самовольно затеяла стройку, игнорируешь правила — неужели ты думаешь, что лишения жалованья на полгода недостаточно, чтобы прийти в чувство?

Лицо Чжэнь Хуань стало бледнее бумаги, она поспешила оправдаться: Госпожа, я всего лишь тосковала, у меня и в мыслях не было нарушать правила...

Нарушать правила? — резко прервала её Благородная супруга Хуа. — Правила перед тобой, а ты ещё смеешь препираться! Ся Дунчунь игнорировала устав, за что я наказала её Алой лентой. А ты вместо того, чтобы извлечь урок, продолжаешь действовать наперекор!

Она взмахнула рукой, обращаясь к стражникам: Взять её! Отвести непостоянную госпожу Вань в Беседку Осколков Нефрита, запереть там на месяц! Без моего приказа ни шагу за пределы Беседки! Все выплаты урезать в соответствии с наказанием, пусть хорошенько поучится, что значит соблюдать дворцовые правила и знать своё место!

Стражники, получив приказ, подошли и вежливо, но непреклонно препроводили Чжэнь Хуань

прочь.

Чжэнь Хуань была вне себя от гнева и беспомощности, но не могла ничего возразить. В окружении стражи, словно лишившись души, она вернулась в Беседку Осколков Нефрита, где отныне была заточена, не имея права даже переступить порог.

Цзянь Цю из Дворца Цзинжэнь, узнав о случившемся, поспешила доложить Императрице. Та, держа в руках чашку, едва заметно улыbnулась: Благородная супруга Хуа всё сделала как надо, сэкономила мне силы. Непостоянную госпожу Вань и впрямь следует как следует усмирить, месяц заточения ей пойдёт на пользу.

Пока она не окажется в безвыходном положении, как я смогу ей помочь?

Не прошло и полдня, как весть дошла до Дворца Янсинь.

Су Пэйшэн, склонившись, подробно доложил о происшествии в Императорском саду. Юнчжэн, просматривавший доклады, замер, и по его лицу пробежала тень раздражения.

Он был недоволен ещё после того визита Чжэнь Хуань во Дворец Цзинжэнь, а услышав, что в канун Нового года она тайком пробралась в сад, а теперь и вовсе самовольно мастерит качели, лишь убедился, что она неисправима и совершенно лишена должного смирения.

Голос Юнчжэна был холоден и полон явного неудовольствия: Неоднократно нарушает правила, не знает смирения. Наказание Благородной супруги Хуа справедливо. Пусть сидит в Беседке Осколков Нефрита и размышляет над своим поведением, больше ничего не нужно.

Император не выказал ни капли жалости, считая, что она сама виновата в своих бедах.

Когда весть дошла до Дворца Яньси, Ань Линжун как раз орудовала вышивальной иглой, спокойно вышивая орхидеи на платке. Цин Лань тихо закончила доклад и вздохнула: Раз непостоянная госпожа Вань взапёрти, Беседке Осколков Нефрита придётся несладко.

Игла Ань Линжун плавно опустилась. В её глазах сияла ясность: Правила в глубоком дворце строги, совершил ошибку — неси наказание, это естественный порядок вещей. Если бы она знала своё место, то не оказалась бы в таком положении.

Наступил вечер, и Управление по делам наложниц перевернуло зеленую табличку Юй Инъэр. Позолоченная карета, украшенная фениксами, медленно двинулась по дворцовой аллее.

Юй Инъэр сидела в карете в розовом шелковом платье, вся в драгоценностях, на лице её читалась спесь новой фаворитки. Приоткрыв занавеску, она высокомерно наблюдала за тем, как слуги расступаются перед ней.

Как раз в этот момент непостоянная госпожа Синь и непостоянная госпожа Чунь вышли из Дворца Сяньфу. В руках у них был фонарь, и, торопливо отступая, чтобы дать дорогу императорскому экипажу, госпожа Синь нечаянно задела рукавом фонарь на дышле. Раздался грохот, фонарь упал на землю, и пламя мгновенно погасло.

Скакуны, запряженные в карету, испугались, издали резкое ржание и встали на дыбы, отчаянно брыкаясь, так что карета едва не перевернулась.

Юй Инъэр внутри кареты кувыркнулась, её прическа сбилась, украшения рассыпались. Она, бледная от страха, принялась пронзительно визжать.

Когда карету удалось удержать, она, разъяренная от стыда, выскочила наружу и, тыча пальцем в лицо госпоже Синь, принялась орать: Ты нарочно напугала лошадей! Это покушение на мою жизнь!

Госпожа Синь, испуганная и пристыженная, поспешила опуститься на колени: Наложница Юй, я просто не успела отойти, у меня не было злого умысла.

Госпожа Синь была из старых слуг ещё с тех пор, как Император жил в личной резиденции, и по положению стояла выше Юй Инъэр, но та, пользуясь милостью Императора, ни во что её не ставила.

Считаешь, что словами «не нарочно» всё можно закончить? — Юй Инъэр сердито вскинула брови, её ярость достигла предела, и она рывкнула на стражников: Испуг императорской кареты — тяжкое преступление! Немедленно бросьте её в Управление карательных дел, пусть узнает, чем грозит мне перечить!

Стражники, опасаясь гнева фаворитки, вопреки всякому чину и не разбираясь в причинах, схватили госпожу Синь и, не обращая внимания на её гневные крики и сопротивление, потащили в Управление.

Эта пугающая сцена разыгралась на глазах у непостоянной госпожи Чунь.

Чунь'эр была ещё совсем юна, по натуре проста и никогда не видела, чтобы наложниц прилюдно волокли в Управление карательных дел. Она так перепугалась, что её лицо стало белым как мел, тело дрожало. Сжав в руках платок, она развернулась и бросилась прочь, спотыкаясь на бегу, прямо к Беседке Осколков Нефрита.

В это время Чжэнь Хуань, едва вышедшая из заточения, тоскливо сидела в галерее. Увидев запыхавшуюся и бледную непостоянную госпожу Чунь, она поспешила навстречу и удержала её: Чунь'эр, почему ты так напугана?

Непостоянная госпожа Чунь, тяжело дыша, дрожащим голосом рассказала всё, что видела:

Сестрица Вань, наложница Юй ехала в карете с фениксами, непостоянная госпожа Синь лишь случайно уронила фонарь, а та приказала бросить её в Управление! Я так испугалась, как же наложница Юй могла так поступить с сестрицей Синь?

Чжэнь Хуань, выслушав, застыла на месте. Успокоив Чунь'эр, она повернулась и вошла в зал.

Слова Чунь'эр заставили её до мозга костей прочувствовать ужас немилости.

Теперь даже наложница из бывших служанок может по собственному желанию бросить в застенок особу с более высоким рангом.

Если она и дальше будет без милости и поддержки, рано или поздно её постигнет та же участь — стать жертвой чужого произвола.

Этой ночью Чжэнь Хуань не смогла сомкнуть глаз. Холод немилости сковал её, и она приняла твёрдое решение: нужно любой ценой вернуть расположение Императора и прочно утвердиться в этом гареме.

Тем временем во Дворце Янсинь Юй Инъэр продолжала рыдать, жалуясь на то, что госпожа Синь якобы намеренно напугала лошадей.

Однако Юнчжэн, выслушав её, не проявил ни капли сочувствия, напротив, его лицо мгновенно потемнело.

Госпожа Синь была с ним с прежних времён, вела себя тихо и скромно, а тут всего лишь досадная случайность. А Юй Инъэр — наложница из служанок — осмелилась самовольно бросить наложницу высокого ранга в Управление, проявив такое высокомерие, что ни во что не ставила дворцовые законы.

Ничтожная служанка, едва получив милость, возомнила о себе невесть что и чинит расправу над другими! Есть ли у неё в глазах императорская власть и закон?

Юнчжэн ударил по столу, его голос звучал холодно и остро:

Юй, чванливая из-за милости, не понимающая приличий, лишается ранга, разжаловать её в рядовые наложницы, запереть в боковом зале Дворца Чжунцуй! Немедленно освободить госпожу Синь из Управления карательных дел и должным образом успокоить.

В одно мгновение Юй Инъэр из блистательной фаворитки превратилась в отверженную наложницу.

Но она не желала мириться с потерей власти. Она опустилась на колени перед Дворцом

Янсинь и начала распевать арии из оперы Куньцзюй. Голос её охрип, горло болело, но она не останавливалась.

Так она пела день и ночь, пока наконец сердце Императора не дрогнуло.

Сердце монарха холодно, но вспомнив об их первой встрече в саду Имей, он смягчился и промолвил: Довольно. Отныне веди себя скромно, не будь такой дерзкой.

Всего одно слово — и Юй Инъэр была прощена, заточение снято, ранг наложницы сохранен.

Чжэнь Хуань видела эти перемены в императорской милости воочию.

Вернувшись в Беседку Осколков Нефрита, она закрылась и с головой ушла в планирование своего возвращения. Она изучала стихи, тренировалась перед зеркалом, просила Вэнь Шичу приготовить пудру Шэньсянь Юйнюй, пользовалась ею ежедневно. Цзинь Си помогала ей, и вся Беседка жила в состоянии крайнего напряжения.

А во Дворце Яньси милость Императора к Ань Линжун оставалась непоколебимой, он навещал её каждые два-три дня.

Иногда он читал доклады в тёплых покоях, пока она тихонько заваривала и подносила чай, никогда не беспокоя его. Её голос был мягким, как у Чунъюань, она говорила нежно и к месту, каждое её слово было по душе Императору.

Такая покладистость и чуткость Ань Линжун только успокаивали Юнчжэна.

В Беседке Осколков Нефрита Чжэнь Хуань уже полмесяца не выходила из дома. На столе громоздились свитки с нотами и флейты, кончики её пальцев покрылись мозолями — она упражнялась днями и ночами.

С того дня, как она узнала от Чунь'эр о несчастье госпожи Синь, ужас немилости день и ночь сжимал её сердце. Она перерыла все старые стихи, но всё же выбрала самый верный путь: привлечь внимание Императора талантом и музыкой.

Цзинь Си узнала у Су Пэйшэна, что после вечерней трапезы Император любит прогуливаться вдоль пруда с карпами у озера Тайе.

Госпожа, вы упражнялись всё утро, отдохните немного, — Лю Чжу принесла холодного чаю, с жалостью глядя на покрасневшие от усталости глаза Чжэнь Хуань. — Стоит Императору услышать вашу игру на флейте, он непременно вспомнит всё хорошее.

Чжэнь Хуань опустила флейту, коснулась холодного бамбука кончиками пальцев. Её взгляд

был полон упорства: Я больше не могу ждать. Если так пойдёт и дальше, всех нас в Беседке Осколков Нефрита рано или поздно раздавят.

Она уже всё решила: сегодня ночью она отправится к пруду с карпами и поставит всё на карту.

Но она не знала, что всё происходящее в её Беседке давным-давно стало известно во Дворце Яньси.

Ань Линжун сидела у окна, глядя на записку, переданную её доверенными людьми. Цин Лань тихо сказала: Госпожа, непостоянная госпожа Вань через Цуй Цзиньси узнала о планах Императора и сегодня ночью собирается играть на флейте у пруда с карпами, чтобы привлечь его внимание.

Ань Линжун: Передай известие о том, что Чжэнь Хуань собирается к пруду, окружению Юй Инъэр.

И добавь: пусть скажут, будто Чжэнь Хуань втайне отзывалась о Юй Инъэр как о вульгарной певичке, которая недостойна даже показаться на людях.

Цин Лань всё поняла и беззвучно удалилась.

Наступила ночь. Лунный свет струился по глади озера, дул лёгкий ветерок.

Чжэнь Хуань сменила наряд на простое шелковое платье, нанесла легкий макияж и, взяв с собой только Лю Чжу, тайком миновала стражу и пробралась за декоративные скалы у пруда. Это место было закрыто от ветра и удобно для того, чтобы звук флейты разносился над водой, оставаясь при этом скрытым от глаз. Место было выбрано ею заранее.

Она глубоко вздохнула, приложила флейту к губам, и чистые, мелодичные звуки поплыли над водой. Мелодия была печальной и нежной, полной тоски дворцовой наложницы, в которой таилась робкая надежда.

Однако она не успела доиграть и половины, как откуда-то раздались пронзительные крики, сопровождаемые топотом ног, и группа людей устремила прямо к скалам.

Хорошо же! А я-то гадала, кто тут строит из себя привидение — оказывается, это непостоянная госпожа Вань!

Юй Инъэр, ведя за собой пятерых стражников и служанок, ворвалась на площадку. Сзади шли евнухи с фонарями, и свет вмиг осветил всё вокруг.

Днём она получила известие о том, что Чжэнь Хуань собирается соблазнить Императора и за

глаза обзывает её вульгарной, поэтому, затаив обиду после своего разжалования, она пришла в ярость и привела людей, чтобы преградить той путь.

Чжэнь Хуань побледнела, поспешно убрала флейту и постаралась сохранить спокойствие: Наложница Юй, я просто пришла сюда охладиться и поиграть на флейте, почему вы говорите о привидениях?

Охладиться? — Юй Инъэр усмехнулась, подошла ближе и ткнула пальцем в лицо Чжэнь Хуань: Император сегодня вечером как раз собирался к пруду, а ты выбрала это место для игры — не чтобы ли соблазнить его? Раньше строила из себя гордячку, а как потеряла милость — пошла на всё, какая же ты низость!

Спор между ними разгорался, привлекая внимание проходящей мимо госпожи Синь. Та, затаившая злобу из-за того, что Юй Инъэр бросила её в застенок, не упустила случая: Наложница Юй, непостоянная госпожа Вань просто играла на флейте, к чему эти крики? Вы что, забыли о дворцовых правилах?

Ты ещё смеешь меня учить? — Юй Инъэр обернулась к ней. — Я ещё не свела с тобой счёты за тот случай с каретой, а ты смеешь помогать ей?

Они начали ссориться на глазах у всех. Вокруг собрались слуги, шум поднялся такой, что даже с дальней аллеи люди выглядывали, чтобы посмотреть, что случилось.

В этот момент кортеж Юнчжэна как раз приближался к входу в озеро, когда он услышал шум у пруда. Су Пэйшэн поспешно склонился, разузнал всё и доложил: Докладываю Императору: это наложница Юй, непостоянная госпожа Вань и непостоянная госпожа Синь спорят у пруда. Говорят, госпожа Вань играла ночью на флейте, а наложница Юй столкнулась с ней и подняла шум.

Лицо Юнчжэна потемнело, в душе клокотало раздражение.

Он и так был расстроен делами государства, хотел развеяться, а тут — бабские склоки и шум на всю округу. Особенно Чжэнь Хуань: только недавно вышла из заточения после нарушения правил, а теперь снова не знает смирения, по ночам устраивает в саду эти фокусы, пререкается с Юй Инъэр — никакой благопристойности, подобающей женщине из хорошей семьи.

Юнчжэн взмахнул рукой: Разворачивай, вернёмся во Дворец Янсинь.

Кортеж развернулся, не доходя до пруда, и направился обратно.

Перед уходом Юнчжэн приказал Су Пэйшэну: Передай мой указ: пусть все трое возвращаются в свои покои и сидят под домашним арестом три дня, пусть учат правила! Устраивать шум в

гареме — это что за непотребство!

Слушаюсь. — Су Пэйшэн поспешно принял приказ.

Шум у пруда закончился указом о заточении.

Юй Инъэр хотела пожаловаться, а в итоге сама села под арест на три дня и, вернувшись в Дворец Чжунцуй, в ярости разбила чашку. Госпожа Синь, невинно пострадавшая, была также в ярости.

Хуже всех пришлось Чжэнь Хуань: она не только не увидела Императора, но и прослыла беспокойной особой, вызвала гнев Императора и получила дополнительные три дня заточения.

По пути в Беседку Осколков Нефрита лицо Чжэнь Хуань было белым как полотно, она была в таком отчаянии и гневе, что её едва не вырвало кровью. Она никак не могла взять в толк, как её столь тщательно выверенный план мог провалиться из-за случайной встречи с Юй Инъэр.

А зачинщица всего этого, Ань Линжун, в это время сидела в своих тёплых покоях во Дворце Яньси.

Госпожа, непостоянная госпожа Вань в этот раз сама себе навредила, впечатление Императора о ней стало ещё хуже, — тихо сказала Бай Чжи.

Ань Линжун взяла фигурку и поставила её на доску. Голос её был спокоен: Это она сама слишком поторопилась, а в глубоком дворце больше всего вредит суетливость.

Не успела она договорить, как снаружи раздался пронзительный голос евнуха: Император прибыл!

Ань Линжун вздрогнула, встала и поспешила навстречу, опустившись в поклоне: Приветствую Императора, да продлятся ваши годы.

Юнчжэн быстро подошёл, помог ей подняться. Раздражение ещё не успело покинуть его лицо, но голос звучал мягче: Встань. В гареме сплошной шум, лишь у тебя здесь тихо и спокойно.

Он вошёл в покои, посмотрел на изящную обстановку и вдыхая аромат чая, почувствовал, как раздражение отступает.

Ань Линжун собственноручно заварила для него свежий чай и мягко проговорила: Император обременён государственными делами, зачем вам расстраиваться из-за пустяков в гареме? Это всего лишь мелкие ссоры, посидят под арестом пару дней и успокоятся.

Юнчжэн смотрел на её лицо. В гареме женщины либо интриговали, либо скандалили, и лишь Ань Линжун была всегда спокойна, тиха, ничего не требовала, словно тёплая вода, смывающая раздражение в его сердце.

Этой ночью Юнчжэн остался во Дворце Яньси.

На следующее утро весть о том, что Император провёл ночь во Дворце Яньси, разнеслась по всему гарему.

Все лишь посмеивались: три наложницы устроили переполох у пруда и все оказались под арестом, а выгоду извлекла наложница Вэнь, получив внимание Императора на всю ночь.

В Беседке Осколков Нефрита Чжэнь Хуань, услышав новости, сжала зубы, в её сердце кипели досада и зависть. Все её усилия и планы лишь послужили на пользу другим.

Как раз когда она раздумывала, что делать, Цзянь Цю, служанка Императрицы, пришла в Беседку Осколков Нефрита с приглашением посетить Дворец Цзинжэнь.

Чжэнь Хуань понимала, что Императрица протягивает ей руку помощи лишь для того, чтобы использовать её, но в нынешнем трудном положении, возможно, Императрица сможет указать ей путь.

Приведя себя в порядок, она последовала за Цзянь Цю во Дворец Цзинжэнь. О чём они там говорили, было неизвестно, но спустя некоторое время Чжэнь Хуань вышла оттуда с совершенно потерянным видом.

После наступления жары зной в Пекине становился всё невыносимее. Красные стены Запретного города удерживали волны жара, и даже лед в тазах не спасал во Дворце Янсинь.

Юнчжэн, закончив просмотр докладов о засухе в окрестностях столицы, ещё больше раздражился и приказал Су Пэйшэну: Послезавтра отправляемся в Летний дворец спастись от жары. Список сопровождающих пусть подготовит Императрица и подаст мне.

Слушаюсь.

<http://bllate.org/book/21976/2283847>